

О. М. Исаченко

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирское высшее военное командное училище
ул. Иванова, 49, Новосибирск, 630117, Россия*

isachenkoo@mail.ru

**«ДЕТСКИЕ» СРАВНЕНИЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ РЕБЕНКА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ДЕНИСКИНЫХ РАССКАЗОВ» В. ДРАГУНСКОГО)**

Разноструктурные сравнения в речи литературного персонажа составляют функциональное поле. По способу выражения «показателя сравнения» они делятся на ядерные и периферийные, а по характеру трансляции «образа» – на простые и сложные. Денотативные области натурфактов и артефактов, животного мира и мира человека являются источником простых сравнений. В основе сложных образов – когнитивные сценарии, отражающие важные для ребенка «события» из сферы природы и сферы человека. Моделирование одного из аспектов его коммуникативного поведения (использование сравнений) доказывает, что редуцированность денотативной сферы – источника сравнений, неосвоенность узуальных единиц компенсируется другими коммуникативными способностями ребенка.

Ключевые слова: стилизация детской речи, сравнение, сравнительные структуры, функциональное поле сравнений (ядро и периферия), показатели / актуализаторы сравнения, когнитивный образ / источник сравнения, денотативная область, простые / сложные образы сравнений, когнитивный сценарий.

Omnis comparatio claudicatur
‘Всякое сравнение хромает’

Данная тема возникла в результате разнообразных ассоциаций с *образом* М. И. Черемисиной. Во-первых, тема навеяна ее воспоминаниями «родом из детства» – о детских книгах и домашней традиции «сладостных чтений». Наверное, для многих одним из самых ярких детских впечатлений являются первые «контакты» с книгой (сначала «опосредованные» – через взрослых, потом «непосредственные» – в самостоятельном постижении книжных тайн). Но такой факт биографии известного лингвиста – влюбленности в чтение с детства – имеет, по нашему мнению, «знаковую при-

роду» и символический характер. Во-вторых, в научной биографии М. И. Черемисиной значимым и знаковым стало изучение сравнений: именно им была посвящена ее докторская диссертация. В-третьих, в работах 1970-х гг., посвященных зоонимам (например, анализ структуры содержания лексем «петух» в его образной функции [Захарова, Черемисина, 1973; Черемисина, Соппа, 1973], М. И. Черемисина фактически вплотную подошла к новой проблематике, которая сейчас чрезвычайно актуальна и очень популярна – когнитивной лингвистике. Н. А. Лукьянова считает, что работы

Исаченко О. М. «Детские» сравнения как отражение результатов когнитивной деятельности в коммуникативном поведении ребенка (на материале «Денискиных рассказов» В. Драгунского) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 201–213.

М. И. Черемисиной и ее коллег, посвященные зоо-образам и написанные еще в 70-е гг. XX в., представляют собой первые опыты исследований в русле когнитивной семантики, «хотя в то время еще не существовало ни этого направления, ни соответствующей терминологии» [Лукьянова, 2003. С. 182].

Названные причины обусловили: 1) выбор источника материала – замечательной детской книги «Денискины рассказы» В. Драгунского; 2) объект лингвистического описания – сравнительные конструкции; 3) предмет исследования – когнитивные образы в основе сравнений. Данные параметры вполне соответствуют «парадигме», в которой жила и работала М. И. Черемисина.

Обозначение «детские сравнения», при том что источником материала является литературное произведение, написанное взрослым человеком, конечно, условно (см. эпиграф), но вполне оправдано: рассказы В. Драгунского – талантливая *стилизация реальной детской речи*¹.

Общезвестно, что прототипом главного персонажа, Дениса Кораблева, является сын писателя. В своей книге² на прямой вопрос о достоверности рассказанных историй («Правда ли это?») Д. В. Драгунский дает уклончивый ответ (*Вот я объяснил, что нет, «Денискины рассказы» – это не про меня. Вроде бы всё доказал, очень убедительно. А теперь скажу – да, конечно же, про меня! Но я не про отдельные приключения, которые, еще раз повторяю, выдуманы все, от первого до последнего случая. Я про жизнь, которая там описана*), признавая реальность не только прототипов, но

¹ Вот как современники оценивают его книгу: ««Денискины рассказы» – это целый мир, своеобразная *энциклопедия детской психологии*... Каждая страница его рассказов дышит *достоверностью*... Комические ситуации в рассказах Драгунского в большинстве случаев не создаются искусственно, а обусловлены *психологическими особенностями детского мышления*, свойственной детям эмоциональной возбудимостью, что *отражается в их речи*... Писатель очень тонко *подмечает манеру разговора детей*...» [Межова, 2014]. В такой достоверности и проявляется писательский талант (ср.: *Писатель может сделать только одно: честно наблюдать правду жизни и талантливо изображать ее*... (Мопассан)).

² Книга «Денискины рассказы» Виктора Драгунского и Денис Драгунский «„Денискины рассказы“: о том, как все было на самом деле» (М., 2013) опубликована в год столетнего юбилея писателя В. Драгунского.

и общий колорит эпохи своего детства (*Это моя мама, с глазами зелеными, как крыжовник <...> Это наш двор, наша квартира, наша – моя то есть – школа. И велосипед с мотором, и дача. Учительница у нас была Раиса Ивановна. Мишка и Алёнка – реальные люди <...> И вообще, все люди из «Денискиных рассказов» – дети и взрослые – были когда-то в моей жизни <...> Так что в «Денискиных рассказах» с удивительной точностью описана моя жизнь*).

В интервью (радио «Эхо Москвы», 29.12.2013³) на вопрос ведущей К. Лариной: *Получается, ваш отец с ними [друзьями Дениса] какие-то контакты имел? Вы чувствовали, что это процесс наблюдения писателя за вашими друзьями?* – Денис Драгунский отвечает: *Абсолютно не чувствовал*. Но «не чувствовал» не означает, что наблюдений или дневниковых записей не было⁴. Признания Д. В. Драгунского многих рассказанных фактов как биографических, событий и персонажей как реально существующих позволяет с высокой долей вероятности допускать в этом художественном произведении и наличие «речевой фактуры».

В состав «функционального поля сравнения», в концепции М. И. Черемисиной, входят элементы разных уровней, при этом его единство обеспечивается как минимум двумя формальными критериями: 1) обязательным показателем сравнения (например, морфемной частью слова (*-образный, -подобный*), союзными средствами (*как, словно, точно*), производными сравнительными предложениями (*наподобие, вроде*) и множеством лексических средств (например, прилагательными *подобен кому-, чему-л., похож на кого-, что-л.*)); 2) двухчастной структурой⁵, представленной **темой** и «**образом**»

³ В программе «Книжное казино», название выпуска – «Вся правда о Денискином детстве» (<http://echo.msk.ru/programs/kazino/1227060-echo/>).

⁴ Не случайно расхожей является версия о реальной подоплеке рассказов: «Когда у Виктора Драгунского родился сын... с ним начали случаться всякие смешные истории. Драгунский стал эти истории записывать, и получились «Денискины рассказы»» [Межова, 2014].

⁵ Заметим, что некоторые исследователи (в частности Т. А. Павлова [1988], В. А. Маслова [2001]) уточняют формулу сравнения – **А сходно с Б по признаку С**, т. е. считают сравнение «трехчленной» структурой, что ничего не меняет по сути, тем более что «в отличие от остальных компонентов наличие в предложении основания сравнения факультативно» [Павлова, 1988. С. 107].

сравнения. Следовательно, о сравнении можно говорить тогда, когда сравнительные комплексы (например, *как кошка*) «соотносятся с чем-то другим, с некоторой “темой”, которой они противостоят как “образ”» [Черемисина, 1976. С. 5]. В теории современной метафоры терминам «тема» и «образ» соответствуют «источник» (source) и «цель» (target) (например, в [Лакофф, Джонсон, 1987]). Диалектика связи метафоры и сравнения стала общим местом современной лингвистики, поэтому с полным основанием можно экстраполировать элементы терминосистемы и некоторые результаты метафорологии на область изучения сравнений.

Предпринятый нами анализ имеет цель установить когнитивные «источники» сравнений (образы-источники, тематические / денотативные основы сравнения – в терминологии М. И. Черемисиной), т. е. выраженные языковыми средствами знания, представления о реальном предмете или явлении, которые послужили исходной базой для формирования представления о других предметах или явлениях (за основу принято определение термина «когнитивные источники образных номинаций» в [Лукьянова, 2003. С. 170]⁶). Аналогично метафоре, сравнение существует для того, чтобы наглядно представить себе что-либо на основе сходного, наблюдаемого в другом объекте или явлении, или описать абстракцию (*и коварство, как змея, проползет в его голове*⁷).

Общая характеристика поля «детских сравнений»

Основой для анализа послужила сплошная выборка контекстов, включающих сравнительные структуры разной степени сложности, – 416 примеров. При составлении картотеки мы прежде всего ориентировались на смысловое содержание предложения (иногда для его выявления необходимо

знание широкого контекста, например, сочетание *лучший..., настоящий друг* в предложении: *И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства* – мы считаем сравнением, потому что оно соотносится в описываемой ситуации с большой мягкой игрушкой).

Объединенными идеей сравнения в тексте оказались весьма разнородные конструкции. В терминах поля наша картотека делится на ядро и периферию. В ядре располагаются «классические» примеры «сравнительных конструкций», которые получили детальное описание в работе М. И. Черемисиной [1976]: *Она хохотала, как будто кто-то под столом кусал ее за пятки; Тогда я немножко отпустил ниточку и опять услышал, как он [шарик] настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просят улететь; Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал: «Ой, умру от смеха! Сыски!»*

Большинство примеров в ядерной зоне представляет собой «простые» сравнительные обороты: *А у меня даже слезы капали из глаз – так здорово поддал мне Левка, – капали прямо на промокашку и расплывались по ней, как бесцветные кляксы...; А я здорово научился ездить и довольно скоро стал делать на велосипеде разные штуки, как веселые артисты в цирке; ...И [капитан] протянул мне руку. Она была твердая, как доска.*

Среди союзов, вводящих такие сравнения, наиболее частотными являются *как* (173), *как будто* (73), *будто* (28), *словно* (22)⁸, в остальных 120 контекстах используются несоюзные показатели сравнения, на которые мы ориентировались при выделении периферии данного поля.

Периферию поля выделенных сравнений составляют предложения, в которых показателями сравнительных отношений выступают слова разных частей речи (в том числе так называемые омокомплексы и многозначные лексемы⁹): *просто* (*А вдруг я где-*

⁶ Ср.: «Языковой образ имеет когнитивную (познавательную), психическую (ментальную) и собственно языковую природу» [Лукьянова, 2004. С. 18].

⁷ Как показывает конкретный материал, темы сравнения детской речи в большинстве случаев лишены абстрактности, даже если речь идет об умозрительных процессах – смене настроения, внезапно пришедшей в голову здоровой мысли и т. п., – то в интерпретации ребенка они вполне «конкретизированы».

⁸ Например, союз *подобно тому как* не встречается, возможно, по причине его стилистической книжности и, как следствие, чуждости детской речи.

⁹ Сравнительный смысл выступает со всей очевидностью при сопоставлении предложений, включающих разнофункциональные употребления названных слов, например: *Просто надо было погромче играть; Мы стали строить ракету прямо на нашей*

нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, **просто** растаю в воздухе как дым...), **настоящий** (Ты не мальчишка. Нет. Ты **просто** профессор! **Настоящий** профессор... кислых щей!), **прямо** (Я думал, что они Чапки [кличка собаки]! Ведь как походи! Одно лицо. **Прямо** вылитые ¹⁰ собачьи близнецы), **похожий** (Я когда болел, мне все тепло, каждую болячку отдельно зеленкой мазали. Я был **похож** на леопарда).

Дальнюю периферию образуют единичные примеры, например, с прилагательным **целый** (И вдруг из-за красной занавески вышел **целый** отряд каких-то людей, одетых очень красиво), сравнительной частицей **вроде / вроде бы** (Это будет самый смешной вопрос, **вроде бы** на сладкое; ...возле тротуара мчался бурный поток, **вроде** горной речки), вводно-модальным словом **видно** (...я все не мог наглядеться на этих птиц. Они, **видно**, были с какого-то седьмого неба, из волшебной жизни), глаголом **смахивать** (Она [сестренка, привезенная из роддома] в своей косыночке очень **смахивает** на симпатичную народную артистку республики Корчагину-Александровскую...).

Чаще всего названные актуализаторы сравнения выступают в сочетании с традиционно выделяемыми показателями сравнения, например: *Через минуту мои взрослые друзья задали такого храпака, что **просто** чудо. **Похоже** было, **будто** они пилят огромные бревна огромными пилами...; А потом один парень снял пиджак и остался в майке; у него были белые руки и круглые*

*пусковой площадке; Ксения [новорожденная сестра] лежала в своем комодике и ожидала купания. Она, **видно**, волновалась; А пистолет у него **настоящий**?; Она сидит **целый** день на кухне, стережет свою плиту; и др.*

Для разграничения случаев употребления частиц **прямо** и **просто** мы опираемся на характер значения последующего слова. Ср.: *Тут наш летчик **прямо** вскипел [от негодования] и схватился за голову; ...мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он **просто** олушил меня; НО: Вареную колбасу люблю **прямо** безумно; Можешь убирать свой язык. Чересчур он у тебя длинный.... **Просто** ужасно длинный.* Как видим, частицы либо «вводят» сравнение, либо актуализируют значение усиления.

¹⁰ Как отмечает Т. А. Павлова [1988. С. 109], прилагательное **вылитый**, может в сочетании с «агентом сравнения» выполнять роль компаративного компонента. Кроме того, оно является маркером высокой степени сходства «темы» и «образа» (ср. *похож на Коцея – вылитый Коцей*).

*мускулы, **прямо** как шары; И рыженькая девочка бахнула по стулу доской. Получилось очень здорово, **как настоящий** выстрел; Так крепко и отчаянно ухватилась девчонка за мой палец, **просто** как утопающий за соломинку.*

К периферии относятся конструкции с анафорическим элементом *так*, например: *Ну и смешно же **пищал** Мишка! **Так пищит** наш котенок Мурзик;* и случаи сравнения с «включенным сопоставлением» (*будто* + противительный союз *не ... а*): *Укротитель все время таскал их за хвосты, **как будто** это были **не** львы, **а** дохлые кошки.*

Подтверждением необходимости и возможности включения этих конструкций в «функциональное поле сравнений», с одной стороны, выступают многочисленные исследования, посвященные этой теме (например, [Бакина, Некрасова, 1986; Павлова, 1988; Мокиенко, 2003; Ушакова, 2005; Яхина, 2005; Девятова, 2011]), с другой – процедура преобразования (синтаксической трансформации), которая позволяет устранить эллипсис, восстановить показатель связи и получить прототипические сравнительные конструкции, например:

(1) *У меня **просто** сердце упало → Мне показалось, **как будто** мое сердце упало;*

(2) – *Тяните гласные, друзья, тяните гласные!*

Тогда мы стали тянуть гласные, но Борис Сергеевич хлопнул в ладоши и сказал:

– ***Настоящий** кошачий концерт! → Вы поете так, **как** (словно / будто / точно) кричат кошки.*

(3) *...я его [плюшевого медведя] спать с собой укладывал, и укачивал его, **как** маленького братишку, и шептал ему разные сказки **прямо** в его бархатные тверденькие ушки → ...укачивал его так, **как будто** я укачивал маленького братишку / **как будто** он был моим маленьким братишкой.*

По сути, разграничение ядра и периферии проводится по формальному критерию – типу «показателя сравнения»: собственно грамматический (*как, словно, будто*), лексико-грамматический или лексический. Безусловно, для чистоты классификационной процедуры необходимо, в рамках концепции М. И. Черемисиной, учитывать структурный критерий. Но, как нам кажется, между простотой / сложностью сравнительной конструкции лежит тот же механизм – эл-

липсис, в чем убеждает функционирование параллельных конструкций.

Когнитивные источники детских сравнений

В статье Н. А. Лукьяновой подробно описываются такие когнитивные источники метафор, как языческие представления, мифологические образы; библейские образы, реалии религиозного культа; элементы народной культуры; представления о трудовых процессах; исторические ассоциации; фольклорные и сказочные образы; литературные образы; прототипические звуковые ассоциации, а также названы анатомические, биологические, зоологические образы и образы конкретных предметов [Лукьянова, 2003].

Как показал проведенный анализ, потенциально разнообразны источники образных языковых номинаций в детской речи редуцированы до нескольких тематических сфер, актуальных для формирующегося мировоззрения ребенка. Они являются источниками так называемых «простых» сравнений, в основе которых лежит внешнее подобие предметов.

1. НАТУРФАКТЫ: *камень, молния, дерево, вода (река, лужа, капля)*, элементы ландшафта (*гора, болото*), астрономические объекты (*звезда*), и др.: ... *увидел маленький светло-зеленый огонек [светлячка], как будто где-то далеко-далеко от меня горела крошечная звездочка...*; *Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым* (ребенок, весом 26 кг, представляет себя на месте взрослого путешественника, который похудел на 25 кг); *Слезы бегут из меня толстыми струями прямо на пол и даже сливаются в целые лужи; возле тротуара мчался бурный поток, вроде горной речки; ...наш подъезд... похож на все остальные, как капля воды на все другие; Иволга тоже была крупная и зеленая, как болото; Не люблю ходить в новом костюме – я в нем как деревянный.*

Наиболее частотным является в этой группе образ *молнии*, в котором значимы признаки быстроты, стремительности движения / перемещения, внезапности происходящих ментальных процессов: ...*вдруг на бегу перевернулась через голову, как молния; ценная собака такс вдруг спрыгнула с Ваньки и как молния помчалась за ним;*

И мы полетели, как молнии [опаздывали в школу]; *осторожно дотянулся до Мишки и вдруг с быстрой молнии сорвал с него мамину шляпку!; и неизвестно откуда с молниеносной быстротой появляются новые фантомасочные записочки...; И сквозь меня снова, как молния, пролетела мысль.*

К группе натурфактов мы относим многочисленные, малохарактерные РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ: названия ягод (*Глаза... стали зеленые, как крыжовник* (это сравнение используется несколько раз, и всегда маркирует перемену не в лучшую сторону настроения мамы, когда она начинает сердиться или строжиться); *И животы у нас с Валькой надулись и тоже стали похожи на арбузы; ...держу медвежью голову [от костюма] под мышкой, как арбуз*), цветов ([голубь якобин]... *не хуже любой другой птицы по красоте. Он похож на астру; Папа прямо весь расцвел* [от гордости за сына]), овощей (*Костик ни с того ни с сего покраснел, как помидор; Мишка весь покраснел, как синяя свекла*), в которых значимыми для формирования сравнения оказываются цвет, размер и форма.

2. ЖИВОТНЫЙ МИР представлен в сравнениях разнообразными зоонимами – названиями диких и домашних животных, разных биологических классов – млекопитающих, рептилий, птиц и насекомых: *верблюд, заяц, леопард, тигр, обезьяна, кошка; змея, лягушка; воробей, птица; стрекоза, паук, жук, муха, гусеница*. Основанием для сравнения выступают внешне наблюдаемые признаки – окрас, размер, «покров», характерные движения и издаваемые звуки: [облачко] *было пушистое и маленькое, как крольчонок; скачешь... [перед машинами], как коза; я заметался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц; я стал карабкаться, как кошка, и вцепляться во что попало; Сидит [на велосипеде] довольно обезьяновато...; Папа вдруг взъерошил волосы и стал ходить туда-сюда по комнате, как лев по клетке; она ... [руками] взмахнула, как птица; И пешеходы выпрыгивали..., как куры; Сидят, как два воробья на веточке!; Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьем (самозабвенно врал. – О. И.); один мальчишка... на лягушонка похож, особенно в воде...; [краска, выдуваемая из краскопульты] шипела, как змея; Тут Мишка прямо зашипел; а велосипед трещит себе под ним, как стрекоза, и едет*

сам; Вдалеке стоял какой-то самолетик, **похожий на стрекозу**; ...[от краски] получилось светло-коричневое пятно, **похожее на паука**; лошадь... трюхала, **как сонная муха**; наш паровоз... всюду карабкался вверх, **как какой-нибудь жуук**.

Кроме того, в качестве самостоятельных источников образности выступают «зоонимические соматизмы»: *конец нашего поезда... был полукруглый, как хвост*; *шнур... лежал за нашей ракетой на земле, как хвост от змеи*; ...[сестричка] именно за меня держится, держится изо всех сил своими **воробьиными пальчиками**.

3. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ образы воплощают представления ребенка о реальных людях, их характерных внешних признаках, типичных занятиях, действиях и поступках, а также о литературных и сказочных персонажах. Возможно, многие детские впечатления мотивируются (или просто усложняются) визуальными образами, т. е. увиденным по телевизору.

а) В сфере антропонимической лексики актуализируется группа названий человека по профессии или занятию – *циркач, актер, космонавт, парикмахер, охотник*: *Перед выходом стояли два богатыря – дядьки здоровенные, прямо как борцы в цирке*; *я тоже быстро поплевал в кулаки и выставил ногу вперед, чтобы была настоящая боксерская поза...*; *И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка!*; *И он по-всякому ее испытывал, как летчик-испытатель, а я стоял и смотрел, как механик, который стоит внизу и смотрит на штуки своего пилота*; *Такие неказистые ребята, а прямо химики-механики*. Реже основанием сравнения являются другие параметры, например, возраст человека: *он был в черном костюме, и у него были засыпаны мелом волосы, как будто он седой*.

б) Начитанность ребенка объясняет появление в его речи прецедентных имен сказочных персонажей¹¹. В сравнительных конструкциях часто воспроизводятся отрицательные «внешние» образы Бабы Яги и Коцея Бессмертного (*вылитый Коцей*¹²),

¹¹ В иной терминологии, «аллюзивных онимов» [Бардакова, 2007. С. 55].

¹² Заметим, что эта речевая формула (со значением ‘очень худой, на которого страшно смотреть’) – мамина реплика в художественном тексте. Прибегая к устрашающему сравнению, мама пытается убедить своего ребенка есть побольше.

реже – имена нейтральных или положительных героев сказок: *Мария Петровна... была вся красная, как Синьор Помидор*; *я посмотрел и увидел, что получилась вовсе не белочка, а какой-то дядька, похожий на Мойдодыра*; *Настоящий кот в сапогах!*

Только литература и советский кинематограф (по понятным причинам дозированный и идеологически однообразный) могут являться источником представлений ребенка о *царе, бароне, шпионе, пленнике, индейце* и др.: *Папа всегда ходил... [к слону] первому, как к царю*; *Ты чего расселся, как барон!*; *Ноги [выкрашенные коричневой краской] совсем как у настоящего индейца!*

Образ *черта* в детской речи¹³ связан исключительно с характеристиками черноты и нечистоты: *загорели как черти*; *я здорово смахивал на черта или на какое-нибудь подземное чудовище*.

в) К антропонимической сфере логично отнести и подгруппу анатомических образов сравнений, включающих в свою структуру соматизмы: *...красная мякоть [арбуза] с сахарными прожилками и косо поставленными косточками, как будто лукавые глазки арбуза смотрели на меня и улыбались из середины*. Наивные представления ребенка об анатомии позволяют ему образно описывать внутренние ощущения¹⁴: *И однажды утром я увидел, что у меня совсем уже нет живота, он просто как будто прилип к позвоночнику*. Наблюдения за собственным телом являются основанием для ассоциативного сближения функций некоторых частей тела, например, рук, играющих на музыкальном инструменте, и бегущих ног, способных прыгать через ступеньки: *Валерка немножко покраснел, но опять зашевелил пальцами, как будто дал им разбежаться*; *а теперь его пальцы бежали как то боязливо, как будто знали, что они все равно опять споткнутся*; *пальцы у него как будто перескочили через какую-то неудобную ступеньку и побежали дальше*. Актуальность этого сравнения объясняется тем, что для обычного ребенка естественным способом передвижения является бег, что отражают речевые штампы взрослых

¹³ В речи взрослых это слово выступает в роли интенсификатора действия или признака: *устали как черти*; *дралась как черт*; *злой как черт*.

¹⁴ Они связаны с физическим ощущением полного и пустого желудка, которое для растущего детского организма очень актуально.

(во двор / к другу убежал; где-то носится; за хлебом побегал), а также детские интенсификаторы, описывающие быстроту перемещения: как угорелый, как подстреленный, как сумасшедший и проч.

4. АРТЕФАКТЫ – вещи и предметы, организующие быт взрослых людей и окружающие ребенка с детства. Для использования в сравнительных конструкциях оказываются значимыми внешние признаки артефактов (форма, цвет, размер, расположение в пространстве и др.) и их функциональное назначение. Выделенная предметная лексика представляет следующие группы.

- Игрушки: А Мишка прямо вошел в азарт, качает насос, как заводной (ср.: заводная игрушка); [воздушный змей] ... крутился, как волчок; но у меня ноги были мягкие, как у куклы; я... подскакивал, как мячик.

- Одежда и аксессуары, головные уборы, белье, постельные принадлежности, ткань: шляпка похожа на космонавтский шлем; глаза у нее стали как белые пуговицы; Она вся такая полная, платье на нее натянуто тесно, как наволочка на подушку; ... [рука] мягкая. Ну прямо шелковая; Там был дядька в полосатых штанах, с животом, как подушка; А на груди [попугая] красный галстук, как у пионера; На этой картине краски как будто драгоценные камни...

- Посуда: большие глаза, как стеклянные блюдечки; и только глаза сверкали – синие, как тазики...; ...И снял с себя голову [от новогоднего костюма]. Как горшок с частокола.

- Инструменты и орудия труда: у шланга была нахлобучка с дырочками, как у лейки; только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак; У него [амадина] нос был как консервный ножик-открывалка.

- Оружие: помидоры... вылетали, как гранаты, в разные стороны; потому что макаронная нога вонзилась в меня, как кинжал.

- Бытовые приспособления: и тут из меня начинали течь слезы, как из крана.

- Канцелярские принадлежности: глаза... круглые, как кнопки.

- Спортивные снаряды: у Аленки живот сразу стал как футбольный мяч; Аленкина нога стала гладкая, коричневая, с блеском, как новенькая кегля.

- Продукты и еда: Щека была мягкая, как сметана; Это будет самый смешной вопрос, вроде бы на сладкое; зато другая [нога] висела в воздухе, как макаронина; [сказки без страшных эпизодов] делались такие спокойные. Как все равно прохладный сладкий чай.

- Различные изделия: ...одна маленькая девчонская нога, похожая на коричневую чурочку.

- Мебель: – Тебе удобно было [на багажнике]? – Как на диване; слон сунул мой шикарный приемник прямо себе под хобот, в свой обросший войлоком рот, да не прожевал, а просто положил, как в сундук; это [ехать на спине лошади] ерунда, все равно как на письменном столе.

- Строительные сооружения и их конструкция: красивый дом, похожий на вокзал; ...уже издали было видно его [слона] громадное тело, похожее на африканскую хижину, стоящую на четырех подпорках; Когда эти девушки ходили, штаны на них [малярах] гремели, как железо на крыше; скрипела, как дверь; веселые, как скворечники, домики, раскрашенные, нарядные и приветливые; Надо мной было открытое окно, как будто я был в подводной лодке или на дне колодца; [человек] высокий, как забор.

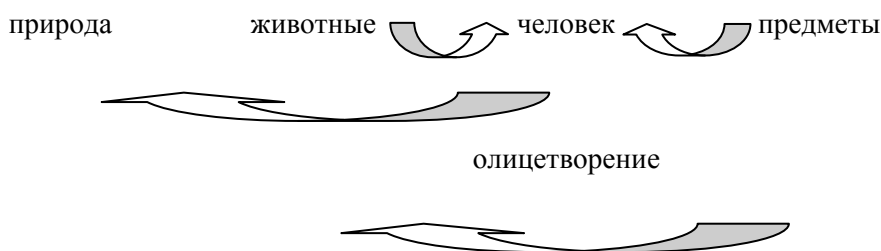
- Транспорт: Сверху была видна наша «Волга». Она стояла, как подбитый танк (перевернулась); И он у меня так сверкал, этот багажник, как новенькая машина «Волга»; А почтовые [голуби]... летают со скоростью «Волги»!; медведь несся прямо на меня и пытался как паровоз, рычал и махал лапами.

- Атрибуты праздника: щеки стали красные, как флаги; и на заборах висит разноцветное бельишко, красивое, как флажки на кораблях.

Усложнение внутренней (содержательно мотивированной) структуры сравнения происходит в результате действия механизмов олицетворения, когда предметы уподобляются живым существам (животным или человеку), а животные приобретают признаки разумных существ.

Традиционные для языка векторы такого усложнения представлены на рисунке (см. ниже).

Так, логическим развитием зоонимических образов является их «одухотворение». Животные в восприятии ребенка наделены

Тематические сферы-источники «простых» образов

человеческими способностями – сознанием, речью, желанием, мотивированным поведением: *А Лимончик* [канарейка] *все прыгал туда-сюда, потом уже было решался, открывал клювик, ...словно дразнил всех нас*; [собака] *...посмотрела на него, как будто спросила: «Ты взял?»*; *поросенок вдруг завизжал, как будто понял*; *Не мог же* [звонок] *сам ускакать, как лягушка!*; *Шанго Махмудович* [слон] *продолжал прислушиваться. Вид у него был такой, что вот он ждет, когда же приемник заиграет.* Этим свойством обладает и курица в значении ‘мясная тушка для приготовления блюд’: *курица вдруг словно оживела и начала вертеться у меня в руках, скользить и каждую секунду норвила выскочить из рук.*

Типичные умения человека приписываются и неодушевленным предметам: *Шляпа вдруг как живая подпрыгнула вверх*; [куклы] *шевелили нижними губами, как будто говорят*; [воздушный шарик] *настойчиво так потягивается из рук, как будто очень просится улететь*; *шарик сначала даже не отлетел от меня, как будто не поверил*; *...как будто этого и хотел всю жизнь, обе руки* [плюшевый медведь] *поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается...*

Антропонимическую природу имеет устойчивое сравнение *как живой* (или его функциональные аналоги): *такая забавная милая мордочка становилась у него* [плюшевого мишки] *тогда, прямо как живая*; *...думать про него* [зубробизона], *что это ожившая гора*; *на Неве легендарная Аврора стоит, как живая* (в этом примере реализуется переносное значение оборота ‘как реально существующий, действующий’).

Целый класс сравнительных конструкций базируется на представлении ребенка о при-

родных и социальных явлениях, моделях социального взаимодействия людей как о сложных структурах, называемых в когнитивной лингвистике «сценариями» (или «гештальтами»). Представим источники «сложных образов» в таблице (см. ниже).

Приведем примеры реализации сложных образов сравнения.

Сложные представления о свойствах СВЕТА и ЗВУКА формируются у ребенка с самого рождения и являются для него значимыми «ориентирами» в жизненном пространстве. Не случайно среди сравнений выделяются целые серии зрительных и слуховых (звуковых) образов: *Павля прямо засиял*; *У Мишки прямо засверкали глаза*; [дорога] *блестела как серебряная*. Для ребенка свет излучают все радостные и довольные люди (сияют радостью глаза мамы, светится довольством чье-то лицо; расцветает папа), гладкие, мокрые и цветные предметы (дорога, омытая дождем; краски на картине), светлячок дает света не меньше, чем горящая на небе звезда. Даже дурное настроение «отсвечивает»: *И так тоскливо тянулись мои дни, что я таял, как свеча, и места себе не находил.* Устойчивое сравнение *таять как свеча* здесь явно «выламывается» из контекста¹⁵, но оправдано

¹⁵ По сути, употреблено не к месту, что для ребенка естественно, так как освоение идиоматики языка в онтогенезе происходит постепенно. Отсюда речевые погрешности в выборе фразеологизмов: *Я все стоял со своей сестрой Ксенией* [новорожденной] *на руках, как дурень с писаной торбой*, и улыбался; *Я выбежал в коридор прямо в чем мать родила, в одних трусиках.* Устойчивые сравнения в детской речи употребляются свободно, без учета их семантических валентностей, что позволяет переосмыслить образ сравнения, как бы вернуть его «к истокам»: *А второй [офицер], который был помоложе, захохотал, как тигр*; *наверху звезды, они стрекочут и насвистывают, как кузнечики.*

Источники-сценарии «сложных образов»

А. СФЕРА «ПРИРОДА»		Б. СФЕРА «ЧЕЛОВЕК»						
физические явления, физические признаки	стихии	социальные стихии	физические / эмоциональные состояния	физические действия	социальные отношения	социальные «институты»	виды деятельности	
живой, свет, звук, электричество	землетрясение, осадки (снег)	пожар, аврал, авария, несчастный случай,	болезнь, боль	движение, перемещение	дружба, игра, дети – взрослые, благополучие	детский сад, парикмахерская	живопись музыка / пение литература (сказка, поэзия, лит. жанры) радио, кино	домашние дела (стирка, приготовление пищи), спорт (зарядка, соревнования), увлечение (рыбалка, охота), путешествие, прогулка

тем, что образ тающей свечи (источника света и радости) ассоциируется у ребенка с состоянием наступающей «беспросветности» существования под неусыпным материнским контролем: *кажется, что подзорная мамина труба уставилась тебе прямо в спину.*

Ребенок не только внимательно рассматривает мир, он чутко в него вслушивается, может идентифицировать и описать разные звуки, шумы, голоса (определить прототипические ассоциации), рассказать о своих впечатлениях от буквально услышанного: *Она сказала громким голосом, как по радио; «Внимание, – сказал папа дикторским голосом, – мальчику Дениске вручается сестренка Ксения»; Получилось очень здорово, как настоящий выстрел (от удара доской по столу. – О. И.); мне этот стук [кулаком по корыту] показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня; Через минуту мои взрослые друзья задали такого храпака, что просто чудо. Похоже было, будто они пилят огромные бревна огромными пилами; Было очень похоже на рычание [о храпе человека]; Тут Мишка прямо зашипел.*

Ребенок особым образом, по-своему улавливает «звуковую» гамму¹⁶, ассоциирует звуки то со строгим голосом диктора радио, то с киношными впечатлениями от погони с выстрелами. Звуки причудливым образом похожи и не имеют строгих «производителей». Отсюда – парадоксальные и оригинальные сравнения: [сестренка] *...скрипела, как дверь*; [музыка] *журчала и шкворчала, словно жарилась на сковородке*; *Если по такому животу целкнуть пальцем, звон пойдет знаешь какой! Как от барабана.* Только особенность недифференцированного восприятия шумов, неразличение приятных и неприятных звуков может объяснить сравнение грохота от работы молотобойцев со звучанием ксилофона: *...звук долетает до тебя немножко позже удара, такой тонкий и нежный, как будто кто-то играет стеклянными молоточками на серебряном ксилофоне.*

Звук может иметь для ребенка устойчивое символическое значение, например, те-

атральный звонок (первый, второй и третий) – приглашение пройти в зрительный зал – как сигнал чего-л.: *Это [повторение водящим считалочки] считалось как бы вторым звонком.*

Наиболее актуальным «сценарием» в жизни первоклассника является, конечно, ШКОЛА: учителя, оценки, двоечники и отличники, школьные занятия, уроки труда, музыки и физкультуры, опрос, домашняя работа, прописи, кляксы, опоздание на урок, школьные праздники и соревнования, «доморощенные» поэты, привычные шалости, гомон учеников на перемене и многое другое. А детский сад на фоне сравнения со школой становится образом для трансляции идеи незначительности и несерьезности чего-л.: *в Москве ваш Эрмитаж – это просто садик для детворы...*

Все, чем ребенок живет, постоянно воспроизводится в качестве образов сравнений: [мама] *пугала меня своей ненастоящей трубой, и я... вел себя как приличный отличник*; *Мама встала у стола, как учительница у доски, и заговорила докладческим голосом...*; *Один раз я целую страницу написал чисто-чисто, любо-дорого смотреть – настоящая пятерочная страница*; *Получается так, словно они все [взрослые] выучили одинаковые вопросы и задают их всем ребятам подряд*; *И мне ужасно не хотелось вылезать из-за своей родимой парты. Я прямо к ней как будто приклеился*; *слезы капали из глаз... прямо на промокашку и расплывались по ней, как бесцветные кляксы...; он длинный и худущий, все равно как кол из школьного журнала, и палку носит такую же... И мы, конечно, сейчас же его прозвали Кол Единицыч, но потом для скорости стали величать просто Колом*; [птички] *все вместе пели. Хором. Но каждая свое. Кто «чирик-чирик», кто «фью-фить-фью», кто «чеки-целк», а кто и «пи-пи-пи». И все вместе было похоже на наш класс утром, до прихода Раисы Ивановны, мы тогда тоже галдим, всякий на свой лад; перед моими глазами все время летали... белые амадины, они прямо вклеились мне в сердце*; у Лимончика [канарейки] *стал такой вид, как будто он и впрямь серьезный докладчик, но раз до доклада у него есть еще минут пять свободных, так он пока попрыгает; Другой бы довел и все, а этот еще и позвонит моим родным. И вот я буду как эстафета.*

¹⁶ Отметим, что подобный «одорический код» в анализируемом художественном тексте не выделяется. Возможно, «область запахов» в картине мира ребенка менее значима.

Что характерно, даже сведения из школьной грамматики могут актуализироваться в сравнительной конструкции: *...я здорово смахивал... на какое-нибудь подземное чудовище, потому что она совсем потеряла рассудок и стала кричать на меня так, как будто я был имя существительное среднего рода: «Пошло вон! ...».*

Со школьным «сценарием» непосредственно связан гештальт ЛИТЕРАТУРА, в который он входит через мир сказок, с их чудесами, колдовством и волшебниками, противостоянием добра и зла, своеобразной стилистикой и речевыми формулами: *Мы оба были как заколдованные; Это короткая такая сказочка, вроде считалки; Как все складно получилось! Это было самое настоящее чудо; И мы так молча стояли еще долго-долго, и я все не мог наглядеться на этих птиц. Они, видно, были с какого-то седьмого неба, из волшебной жизни, про которую писал Андерсен; Вокруг стояли разные дома, то похожие на терема, то на дворцы, а то и вовсе ни на что не похожие; [В Эрмитаже] такие красивые залы и лестницы! Как в книжках про королей и принцесс; И откуда она [девочка на дороге] взялась, ведь только что ее не было. Просто как будто из-под земли выскочила!¹⁷; И очень смешно получилось, когда Ванька въехал в один старенький переулок, в котором дорога была вся в булыжниках, как при царе Горохе; Я сразу подумал, как в сказке Иванушка-дурачок: «Э, была не была! Двум смертям не бывать, а одной не миновать!».*

В школе литературные горизонты расширяются, обогащается «багаж» прецедентных фактов (имен, жанров, выученных наизусть басен Крылова): *Этот Андрюшка просто настоящий молодец, вроде Пушки-*

¹⁷ Ср. с контекстами, типичными для русских народных сказок и детских книг: *Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!* (Лиса и Заяц); *В тот же миг перед ними как из-под земли выросла маленькая фигурка горбуни* (Л. Чарская. Приютки (1907) // НКРЯ). Образ идиомы *будто из-под земли вырастать* 'внезапно, как по волшебству, возникнуть' (аналогично идиоме, описывающей «сказочное» исчезновение, – *как сквозь землю провалиться*) восходит к ситуациям русских народных сказок, в которых волшебные предметы, чудесные помощники, а также нечистая сила внезапно возникают на пути главного персонажа (по материалам электронного ресурса: http://enc-dic.com/russian_phrase...).

на!; Он пел долго-долго, взалел, свистел горошком, и тянул прямо в одну линию, и по-всякому, как в стихе, «на тысячу ладов тянул, переливался»¹⁸ ...

Процедура выделения когнитивных источников сравнений в детской речи убеждает, что их круг ограничен сюжетно-событийным наполнением жизни ребенка: учеба в школе, игры во дворе, общение со взрослыми, поход в зоопарк, цирк, вокальный дебют, участие в театральной постановке на правах «звукорежиссера», дачная жизнь и т. п., «встречи» и «контакты» с новыми предметами (велосипедом, радиоприемником, проигрывателем и т. п.).

Анализ поля «детских» сравнений приводит к определенным выводам относительно особенностей познавательной и речевой деятельности ребенка.

1. Говорящему свойственна речевая рефлексия по поводу мотивации выбора сравнения: *[грудного ребенка] завернула в пеленки туго-натуго, и он был похож на гусеничку, потому что все время корчился.* Рефлексив может включать новую информацию, которую ребенок осознанно хочет использовать: *Папа метнулся к дверям. А я стал работать. У меня начался аврал [уборка в квартире], как на океанском корабле. Аврал – это большая приборка, а тут как раз стихия улеглась, на волнах тишина, – называется итиль, а мы, матросы, делаем свое дело.*

2. Ребенок способен «редактировать» сравнение, конкретизируя, уточняя его, составляя определенные логические «ограничители»: *Мишка действительно был похож на маленького космонавтика; Вдалеке стоял какой-то самолетик, похожий на стрекозу, только на журавлиных ногах; вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на бабу-ягу; ...тут был снегирь. Важный, сытый, круглый, ни дать ни взять мыльный пузырь, если ты его выдуваешь на заходе солнца, когда оно красное.* Ощущение неточности сравнения, некоторой его случайности и условности объясняет его «корректорское» стремление, которое обуславливает прием

¹⁸ Цитируется фрагмент басни Крылова «Осел и соловей»: «Тут Соловей являть свое искусство стал: / Защелкал, засвистал / На тысячу ладов, тянул, переливался...».

«нанизывания» сравнений: *И снял с себя голову. Как горшок с частокола. Как шапку. Взял и снял.*

3. Через сравнение говорящий осваивает систему языковых образных средств, что доказывается примерами интуитивно верного сцепления сравнений и метафор (логика этого комплексного воспроизведения может быть разной, о чем свидетельствуют примеры различного взаимного расположения сравнений и метафор) на основе их семантической (скорее тематической) связи: *На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щеки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой; «А скажика, друг ты мой... – скажет он, и коварство, как змея, проползет в его голосе, – скажи-ка, кого ты больше любишь? Папу или маму?»; На углу улицы в землю была вделана решетка, и здесь вода совершенно распоясалась, она плясала и пенилась, булькала, как цирковая музыка...* Языковая интуиция ребенка обнаруживает «стилистическую компетенцию» в дифференциации экспрессивных и вежливых речевых формул: – *Здравствуйте! Чего орешь, как дура?* – врачу адресовано вежливое *здравствуйте*, а подружке Алёнке – грубое *как дура*.

4. Поиск сравнения сопряжен с определенными затруднениями, которые свидетельствуют о небольшом объеме «оперативной памяти» ребенка, наличии лексических лакун: *Я пришел со двора после футбола усталый и грязный, как я не знаю кто; мне от этого щекотно, и я корчусь как не знаю кто и вырываюсь; Вокруг стояли разные дома, то похожие на терема, то на дворцы, а то и вовсе ни на что не похожие.*

Сравнение для речи ребенка – это вполне сознательный ментальный процесс, по крайней мере у него есть литературные и бытовые представления о том, что это такое (Ср.: *«Опоздал, братец! Съели твой пирог! Иди на кухню!» И я пошел на кухню, и мне там дали студня и борща. А разве это замена? Против пирога? Никакого сравнения*).

Когнитивный анализ источников детских сравнений позволяет не только понять особенности «наблюдательного» мышления, убедиться во «внутренней подвижности чувств» ребенка и «слипчивости» его миро-

восприятия [Эпштейн, Юкина, 1979. С. 244], оригинальной «буквальности» его речи, но и погрузиться в мир детства, когда деревья были большими, дома – огромными, сестрички – маленькими, впечатления – сильными, а восторг – бесконечным...

Список литературы

Бакина М. А., Некрасова Е. А. Эволюция поэтической речи XIX–XX вв. Перифраза. Сравнение. М., 1986.

Бардакова В. В. «Говорящие» имена в детской литературе // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 48–56.

Девятова Н. М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.

Захарова А. В., Черемисина М. И. Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. С. 69–73.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 1987.

Лукьянова Н. А. Слова с простыми и сложными образами // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2004. Т. 3, вып. 1: Филология. С. 15–25.

Лукьянова Н. А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 169–186.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001.

Межова А. Жизнь и творчество В. Драгунского. 2014. URL: <http://www.microarticles.ru/article/viktora-dragynskogo.html>

Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.

Павлова Т. А. Предложения со значением сходства // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белошапковой, И. Г. Милославского. М., 1988. С. 106–116.

Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

Черемисина М. И., Сонна Н. С. К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа «петух») // Актуальные

проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. С. 55–69.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976.

Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // Новый мир. 1979. № 12. С. 242–257.

Яхина Д. И. Сравнения в разговорной речи // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 129–135.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2015

O. M. Isachenko

**'CHILDLIKE' COMPARISONS AS REFLECTION OF COGNITIVE ACTIVITY RESULTS
IN A CHILD'S COMMUNICATIVE BEHAVIOR
(ON THE BASIS OF *DENISKA'S STORIES* BY V. DRAGUNSKY)**

Comparisons of varied structures in the speech of a literary character create a functional field. According to their type of 'comparison marker' they may be divided into core and periphery groups, and into simple and complex groups according to their type of imagery. Denotative areas of naturefacts and artefacts, animal world and human world serve as sources of simple comparisons. Cognitive scenarios reflecting natural and human-related events important for a child serve as basis for complex imagery. Modeling of an aspect of a child's communicative behavior (usage of comparisons) proves that the reduction of the denotative area (the source of comparisons), the lack of control over normative language units is compensated by the means of the child's other communicative skills.

Keywords: stylization of a child's speech, comparison, comparative structures, functional field of comparison (core and periphery), markers of comparison, cognitive imagery / source of comparison, denotative area, simple/complex comparative imagery, cognitive scenario.